

Доклад Юлии Патлань во время проведения

Международной научно-практической конференции «Великий незрячий», посвященной 130-летию Василия Яковлевича Ерошенко и 30-летию его мемориального музея в селе Обуховка (2020)

Наконец-то, мы уже можем объединить усилия для того, чтобы собраться и поговорить о Ерошенко, не только как об уникальном писателе-символисте, но и как о выдающемся незрячем.

Я уже слышала о том, что Камитика Итико пожалела незрячего Ерошенко, и предложила ему писать сказки... Что-то прозвучало о тяжелой судьбе незрячего.

С одной стороны, это действительно так.

С другой стороны, как человек, который много работает с незрячими, я хочу сразу же сказать, что нельзя прожить жизнь 20, 30, 40, 50 лет, и все время страдать по поводу своей горькой судьбы незрячего.

Все сказки Василия Ерошенко носят автобиографический характер. Там, где он говорит о мотыльках, о птичках, о рыбке, о тигре, об орлах, он рассказывает о своем опыте, и он хотел бы быть услышан.

На эту конференцию я представила исследование, которого не делал еще никто – об ориентировании и мобильности незрячих в конце XIX – начале XX века.

Почему я к этому пришла?

В общем-то, я – архивист-литературовед и переводчик.

Эта тема для меня новая, но меня пригласили ее исследовать сами незрячие, потому что они задают вопросы...

Одни думают так: «Ну, мы же сами незрячие. Мы это все умеем. Почему вы не восхищаетесь нами сейчас? Нас преимущественно жалеют. А вы восторгаетесь Ерошенко. Но мы ведь тоже так можем. Да, он объездил множество стран. Но среди нас сейчас есть немало активных незрячих, которые сами путешествуют. Но вы зрячие, вы этого не знаете».

Есть и другой подход. Ко мне обращаются люди, которым интересна судьба самого Ерошенко. Они спрашивают: «А как он ходил: с тростью или без трости?» И т. д.

Нужно сказать, что книги о Василии Ерошенко активно издавались в 70 – 80 годы. Это работы Александра Харьковского, Виктора Герасимовича Першина, одного из моих учителей.

Для меня это был, действительно, вопрос: как он ходил? Пользовался ли он тростью?

В изданиях этого года повторены некоторые легенды, которые еще Александр Самуилович Харьковский прописал – о том, что Василий Яковлевич, будучи еще ребенком, лет до семи, научился ходить по Обуховке без трости, и однажды на рассвете, отбросив трость, пошел по Обуховке походкой зрячего, вызывая восхищение односельчан.

Я цитирую приблизительно, но это все можно подтвердить ссылкой на страницы, на новейшее издание «ЖЗЛ», малая серия, 2020 год.

Последние 5 лет я сотрудничаю с несколькими школами для слепых как в России, так и в Украине. Существует такая профессия, как инструктор ориентирования в пространстве и мобильности незрячих.

Следует обратить внимание, что Василий Ерошенко родился зрячим. Если бы это была прирожденная слепота, ему было бы легче ориентироваться.

Исходя из того, что он ослеп в результате осложнения болезни в 5 лет (это пограничный возраст между ранней детской слепотой и более поздней приобретенной), до семи лет научиться самостоятельно передвигаться, к сожалению, он не мог.

Это психология незрячих.

Это огромная травма и для семьи, и для самого ребенка. И, естественно, в первые годы после утраты зрения, такого ребенка начинают все-таки опекать.

Василий был сельским мальчиком. Это сыграло свою роль.

Мне стало интересно, как же все было на самом деле.

Вы прекрасно знаете сохранившиеся фотографии. На одной из первых – Британия – Ерошенко с преподавателем английского языка Уильямом Филлимором. Уже там у него видна трость.

Салонное фото, он сидит в форменной одежде – в кителе Норвудского колледжа (тогда студенты носили форменную одежду).

Для того, чтобы ответить на вопрос, как он ходил, как использовал трость, где он этому научился, нам надо было бы обратиться к архивным документам тифлопедагогики конца XIX века – лет за 30 – 40 до его рождения.

Нужен был пример взрослых реализованных самостоятельных незрячих, которые могли достичь профессиональных вершин и какого-то успеха в профессии.

Именно за этим примером Ерошенко поехал в Англию, потому что в России в тот период прослойка незрячих интеллигентов, незрячих специалистов не была сформирована.

Московскую школу слепых основал лютеранский пастор Генрих Дикгоф.

В ней работала Анна Адлер – первопечатница в России по Брайлю.

Эта школа действовала по образцам немецких Институты для слепых.

Большинство преподавателей были зрячими. Еще нам известно о том, что примерно в годы обучения Ерошенко и немного позже, там еще были незрячие печатники-брайлисты.

А вот незрячих педагогов не было.

Если мы обратимся к книге Александра Харьковского, он там цитирует японских авторов, которые говорили о том, что Ерошенко ходил, держа трость на весу, над землей. Он исследовал пространство вокруг себя покачиванием трости. Это удивляло как зрячих, так и незрячих японцев. Это позволяет заключить, что такая техника перемещения с тростью в Японии была незнакома.

Нужно еще остановиться на том, что та складная ориентировочная

трость с вращающимся наконечником, которую мы знаем сейчас, появилась не так давно – в 50 – 60-е годы XX века. Это новое изобретение – скользящая трость. Она полностью изменила возможности незрячих ориентироваться, осматриваться в пространстве. Раньше, если мы посмотрим на те же фотографии Ерошенко из Японии, из Китая, мы вспомним витую трость, с которой он сфотографирован в 1916 году перед отъездом в Сиам. Мы вспомним бамбуковую короткую трость, которая часто появляется на фотографиях в Китае до 1923 года до конгресса в Нюрнберге. Потом мы ее не видим на фотографиях. Это короткая трость, которая больше напоминает опорную; она была не складная.

Кроме того, в Японии был особый климат. Мы видим на старинных открытках, что незрячие ходят в специальных сандалиях на подставке, и с очень длинной тростью – от полутора до двух метров.

Длина сближает традиционные Японские трости с тем, как выглядит сейчас ориентировочная современная трость.

У Василия Яковлевича была трость намного короче.

По фотографиям в целом можно сделать вывод, что он использовал как трость, так и помощь сопровождающих.

Об этом говорит пример его участия в 1938 году в шахматном турнире в Ленинграде, куда его сопровождала сестра Пелагея Яковлевна.

Или, скажем, более ранний пример его участия в международных конгрессах для незрячих эсперантистов, где мы видим Ерошенко и с тростью, и с японским другом под руку.

Он не рисковал отбросить трость, идти походкой зрячего, где-то за что-то зацепиться, споткнуться.

Таких случаев было много. Мы знаем фрагменты его рассказов о том, что он мог врезаться во слона, что обезьяны утащили трость; потерял трость в Тибете, когда поднимался в горный район с сопровождающим (об этом рассказывал Виктор Герасимович Першин).

Но здесь нужно еще учитывать специфику общения незрячих и то, что они рассказывают друг другу истории без опоры на визуальные определения и характеристики предметов.

Это может быть мотивационная история Ерошенка для учеников в школе слепых; но это может быть и реальный его опыт, как незрячего человека в мире зрячих людей.

Мои исследования последних лет говорят о том, что именно пребывание Ерошенко в Индии, его работа в школе для незрячих в Моулмейне, где преподавалось ориентирование, где был инструктор по этому предмету, где ученики изучали рельефные карты, дала молодому учителю определенную самостоятельность, которой не было до этого.

Он писал своему другу Тории Токудзиро, что одно время просто боялся своего зрячего окружения, не умел взаимодействовать с этими чужими, незнакомыми зрячими людьми.

В школе он не встречал чужих зрячих в таком количестве.

После Индии, когда он остался без поддержки отца (произошла Октябрьская революция, и Василий перестал получать деньги), и покровительницы Агнес Александер и эсперантистов, с которыми он общался более плотно в Японии, которые его опекали – вот именно в Индии он приобрел опыт самостоятельности.

Здесь не только противостояние с английскими колониальными властями, как об этом говорил г-н Тэрухиро, – здесь мы видим процесс взросления и приобретения опыта самостоятельности незрячим человеком.

Этапы пути от незрячего ученика Московской школы слепых до незрячего студента Норвудской колледжа для незрячих и Академии музыки, – до студента на особом положении, студента-стажера, студента-исследователя Токийской школы слепых, – до статуса незрячего преподавателя, незрячего учителя в школе слепых Моулмейна...

Тогда у Ерошенко появляется новая задача: передать собственный пример достаточного успешного незрячего иностранца, приехавшего из России, незрячим бирманским детям, находящимся в стрессовой ситуации – их оторвали от семьи, и начинают переучивать на британский лад.

Когда Ерошенко вернулся в Японию после его высылки из Индии, он перестал бояться своего окружения. Он начал собирать огромные залы как оратор, лектор. Произошел качественный скачок в развитии его личности.

То чувство восхищения, изумления, которое сопровождает Ерошенко на протяжении всей его жизни – это результат того, что с ним произошло в Индии... Это результат осознания библейских, евангельских постулатов (помните Евангелие от Иоанна: «Не виноват ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божьи»).

Он обрел внутренний стержень, который не менее, чем трость – опорная, или ориентировочная – помогал Василию Яковлевичу состояться в этой жизни; передать свой опыт ученикам.

В завершение своего выступления я должна сказать, что опыт Ерошенко двойственен, он амбивалентен.

Если мы возьмем его учеников по Московской школе, там, где он преподавал английский язык в конце 1940-х годов, то он не был в конфронтации с британской культурой, он опирался на нее.

В своей жизни он активно пропагандировал эсперанто, но он активно использовал и те возможности, которые открывала для незрячего британская культура, английский язык, английский брайль, скоропись и развитая в Великой Британии и ее колониях система обучения и поддержки незрячих детей и взрослых. Хотя Ерошенко последовательно выступал против колониализма, он опирался одновременно как на один язык, так и на другой, оба языка он постоянно преподавал.

Именно британских брайлевских изданий было наибольшее количество.

Из незрячих учеников, которые приняли его опыт и попытались его как-то повторить – это Виктор Першин, Виктор Глебов. Они стали основателями современной советской журналистики незрячих, послевоенной. Те ученики-переростки послевоенных лет, которые смогли повторить опыт самостояния Ерошенко, в том числе самостоятельного передвижения, ориентирования и мобильности, они закладывали формирование этой прослойки незрячей интеллигенции, которую мы видим сейчас, которая с развитием тифлотехники стала более заметной, более яркой. Например, незрячих журналистов сейчас очень много. И очень важно, в том числе для меня, что мы продолжаем традиции Ерошенко.

Так, например, по portalу Тифло.инфо, на котором я являюсь одним из старших редакторов, а руководителем является Олег Шевкун, это очень хорошо видно. Я считаю своим учителем Виктора Герасимовича Першина, который мне многое объяснил, а учителем Олега Шевкуна был Виктор Александрович Глебов – это непосредственные ученики Ерошенко. Мы как бы внуки Василия Яковлевича в творческом плане. И вот этот «импульс Ерошенко», о котором писал Першин, это чувство собственного достоинства, умение достигать поставленных целей... Кстати, меня больше всего поражало именно то, что происходило в Обуховке. Многодетная крестьянская семья. Вы знаете лучше нас, как там было на самом деле.

И вот, в какой-то момент, Вася говорит: «Папа, мама, я поеду в Японию». Кто работает с незрячими детьми, знает: нормальная реакция родителей «Нет, не выдумывай, сиди. Никуда ты не поедешь. Ты там убьешься, расшибешься... Я сама пойду в магазин, и все тебе принесу». Это сейчас, к сожалению, продолжается.

Не знаю, как пережили это родители Ерошенко, но они сказали: «Вася, езжай!»

Отец сказал: «Я буду тебе помогать. Я буду переводить тебе деньги» ... Наверное, поддержка и принятие семьи – одно из самых потрясающих явлений, о которых никто не говорит, и которое сформировало Василия Яковлевича Ерошенко не только как писателя-символиста, но как человека, как выдающегося педагога.